ВЈ
51

О НАСИЛІИ

СТАТЬИ

Л. ТОЛСТОГО
и А. ГЕРЦЕНА

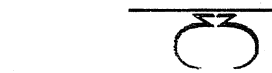
Изд. М. Дубровскаго.

1907 г.

О НАСИЛІИ

СТАТЬИ

Л. ТОЛСТОГО
и А. ГЕРЦЕНА



577

Изданіе А. М. Дубровскаго.

1907 г.

Типографія В. Н. Кузисъ Москва, Брестская ул., домъ № 24.

Изданіе А. М. Дубровскаго.

О НАСИЛІИ

Л. Толстого и А. Герцена.

47

Прос. 1959

BJ
351

295
45

Къ вопросу о несопротивленіи злу насиліемъ.

Л. Н. Толстого.

Я долгимъ и тяжелымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что аргументировать съ людьми, которые не видятъ того, чего они не могутъ не видѣть—безполезно, потому что такіе люди руководимы въ своихъ разсужденіяхъ не исканіемъ правды, а защитой своего положенія, своего прошедшаго и настоящаго. Аргументировать съ такими людьми все равно, что доказывать строителю, который, поставивъ домъ, въ которомъ онъ полагаетъ всю свою гордость и жизнь, и найдя, что углы его дома не прямые, не хочетъ знать и видѣть того, что прямой уголъ есть $^1/_2$ угловъ по одну сторону прямой.

Ему нужно, чтобы тотъ уголъ, который онъ построилъ, считая прямымъ, былъ бы прямой и потому онъ, умный, серьезный человѣкъ, не хочетъ и не можетъ понять свойствъ прямого угла. Тоже и съ тѣми возраженіями, которыя

я слышу постоянно противъ такой же несомнѣнной и очевидной нравственной истины непротивленія злу насиліемъ, съ двухъ, враждебныхъ другъ другу сторонъ: правительственной консервативной и революціонной.

Одна сторона начала строить тупой уголъ другая по этому самому стала строить острый. Обѣ стороны негодуютъ другъ на друга, а еще болѣе на угольникъ, который показываетъ имъ, что обѣ неправы. Вы защищаете противъ очевидности и самихъ себя тотъ уголъ, который вы завели и который не сходится съ прямымъ, который вы очень хорошо знаете. И потому я не стану доказывать вамъ того, что вы знаете также какъ и я, но только попрошу васъ на время усумниться въ томъ, что все, что вы дѣлали, было то самое что должно было дѣлать, и что то самое, что вы намѣрены дѣлать есть то, что должно быть, и съ этой отвлеченной точки взглянуть хоть бы на доводы вашего письма и ясную, прямую цѣль ихъ.

Доводы ваши сводятся къ тому, что человѣкъ, во имя любви къ людямъ, можетъ и *долженъ* убивать людей, потому что есть какія то для ме-

ня таинственныя или самыя понятныя разсужденія, во имя которыхъ люди всегда и убивали другъ друга; тѣ самыя, по которымъ Каіафа нашелъ, что выгоднѣе убить одного Христа, чѣмъ погубить цѣлый народъ. Цѣль же всѣхъ доводовъ есть оправданіе убійства. Вы даже какъ будто негодуете на то, что есть люди, утверждающіе, что никогда не надо убивать, точно также какъ я встрѣчалъ негодующихъ на людей, которые утверждаютъ, что женъ и дѣтей не надобно бить.

Человѣчество живетъ, нравственное сознаніе ростетъ въ немъ и оно доживаетъ сначала до того, что сознаетъ невозможность нравственную ѣсть своихъ родителей, потомъ убивать излишнихъ дѣтей, потомъ убивать плѣнныхъ, потомъ держать рабовъ, потомъ битьемъ приводить въ согласіе своихъ семейныхъ и потомъ—одно изъ главныхъ пріобрѣтеній человѣчества—невозможность убійствомъ и вообще насиліемъ достигать своего совокупнаго блага. Есть люди, дожившіе до этой стадіи нравственнаго сознанія,—есть люди, не дожившіе до нея. Спорить и доказывать другъ другу нечего. Какъ бы убѣдительно ни доказывали мнѣ, что я достигну большого благ

для своихъ дѣтей и для всего человѣчества, если я поручу плетью своего сына, я никакъ не могу этого сдѣлать, какъ и не могу убивать. Я знаю только то, что какъ я не могу драться, бить дѣтей, я не могу убивать. И спорить не о чемъ. Одно могу сказать, что тѣмъ, которые хотятъ защитить насиліе и въ особенности убійство, не слѣдуетъ говорить о любви, какъ людямъ, хотящимъ доказать, что острый уголъ ихъ зданія—прямой, не слѣдуетъ говорить о перпендикулярности сторонъ потому что, утверждая это, они сами себя отрицаютъ. Если уже говорить о любви, то никакіе примѣры разбойниковъ никакъ не приведутъ къ необходимости убійства другого, а приведутъ только къ самому простому и неизбѣжному выводу изъ любви—къ тому, что человѣкъ защититъ другого своимъ тѣломъ, отдастъ свою жизнь, а никакъ уже не возьметъ жизни другого.

Я не хотѣлъ было доказывать, но какъ будто начинаю доказывать. Ну и пускай. Письмо ваше не только заинтересовало, но и тронуло меня: подъ толстой корой (простите меня) вашихъ суевѣрій я увидалъ серьезный умъ и доброе сердце, и мнѣ бы хотѣлось братски подѣлиться съ

вами тѣмъ пониманіемъ жизни, которое даетъ мнѣ благо.

Вы прекрасно говорите о томъ, что основная заповѣдь есть заповѣдь любви, но неправильно говорите, что всякія частныя заповѣди могутъ нарушить ее. Вы тутъ неправильно смѣшиваете двѣ разныя вещи: заповѣдь--не ѣсть свинины и хоть бы заповѣдь не убивать. Первая можетъ быть въ разногласіи съ любовью, потому что не имѣетъ предметовъ любви. Но вторая есть только выраженіе той степени сознанія, которой достигло человѣчество въ опредѣленіи любви. Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви къ семьѣ совершаются самые злые поступки, во имя любви къ отечеству еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству самые страшные ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой,—давно, извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ не переставая рѣшается мудростью человѣчества и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви—не есть любовь. Убивать людей—не любовь, мучить ихъ, бить ихъ во имя чего бы то ни было, предпочитать однихъ

другимъ—тоже не любовь. И заповѣдь—не противиться злу насиліемъ есть такая заповѣдь, указывающая тотъ предѣлъ, на которомъ прекращается дѣятельность любви. И въ этомъ дѣлѣ можно итти впередъ, но не назадъ, какъ вы хотите.

Вѣдь выходитъ удивительное дѣло—вы человѣкъ, признающій то, что смыслъ жизни въ служеніи другимъ во имя любви, вы негодуете на то, что вамъ указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этого служенія, въ родѣ того, что человѣкъ негодовалъ бы на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. «Зачѣмъ это стѣсненіе. Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель?» Развѣ не тоже самое вы говорите, когда возмущаетесь на то, что нельзя убивать убивающаго воображаемаго разбойника. «Ну, а если нельзя иначе?» Ну, а если нельзя иначе, какъ сѣсть на мель? Можетъ быть я сяду на мель, но я не могу не радоваться тому, что у меня есть путь и не могу не стремиться всѣми силами души итти по немъ.

Вы приводите сравненіе о томъ, что правило

не противиться злу насиліемъ подобно правилу не бросать дѣтей въ окно, а между тѣмъ это можетъ понадобиться и потому дѣлаете заключеніе, что положеніе о томъ, что не надо бросать дѣтей въ окно—неправильно. Но вѣдь это прямо противъ васъ. Положеніе это вполнѣ правильно и необходимо. Настаивать на томъ, что нельзя запрещать бросать дѣтей въ окна, потому что надобность эта можетъ встрѣтиться при пожарѣ, вѣдь можетъ только тотъ, для кого нужно мучить вообще дѣтей, тому, кто занятъ такой дѣятельностью, при которой эта необходимость безпрестанно встрѣчается. Простите меня, вѣдь это такъ и есть въ вашемъ случаѣ. И это-то и ужасно. Вы несомнѣнно умный человѣкъ, идете прямо противъ здраваго смысла и несомнѣнно добрый и самоотверженный человѣкъ отстаиваете насиліе и убійство.

Насиліе и убійство возмутило васъ и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ, положимъ стали противодѣйствовать насилію и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, и не разумная, не имѣетъ въ себѣ ничего безсмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или ре-

волюціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая безсмыслица и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобы не видна была безсмысленность такой попытки. Оправданіе такого рода всегда основываются на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ то воображаемый звѣрь, какъ будто находящійся постоянно въ процессѣ убиванія невинныхъ и служитъ основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія; но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный, рѣдкій и даже невозможный случай; многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, какъ я прожилъ 60 лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивнаго разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о фикціи, мы видимъ совсѣмъ другое: мы видимъ людей, и даже самихъ себя совершающихъ самыя жестокія дѣла, во-первыхъ не одиночно, какъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ свя-

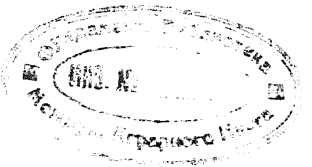
зи съ другими людьми, и не потому, что мы звѣри, не имѣющіе ничего человѣческаго, а потому, что мы находимся въ заблужденіяхъ и соблазнахъ. Мало того, разсуждая о жизни, мы видимъ напротивъ, что самыя жестокія дѣла, какъ побоища людей, динамиты, висѣлицы, гильотины, одиночныя тюрьмы, собственность, суды, власть и всѣ ея послѣдствія, всѣ происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на нелѣпой фикціи воображаемаго звѣря—разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ своихъ и другихъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, что-бы во имя воображаемаго зла совершать дѣйствительное, и потому такой человѣкъ, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ, и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой такую огромную плодотворную дѣятельность, что никакъ не пойметъ даже зачѣмъ ему для его дѣятельности фикція о разбойникѣ, на котораго по всѣмъ вѣроятіямъ онъ никогда не наткнется. Если же и наткнется,

то сдѣлаетъ и по отношенію къ разбойнику по всѣмъ вѣроятіямъ совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, который всю свою жизнь еще никогда не видавъ разбойника, злобится на него.

Теперь я прошу и васъ простить меня, если я написалъ что либо рѣзкое и постараться понять меня тамъ, гдѣ я не точно выразился, а главное вѣрить, что побужденіе мое при писаніи этого письма было одно—любовь и уваженіе къ вамъ и желаніе быть вамъ полезнымъ.

Любящій Васъ

Левъ Толстой.



Письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи.

Милостивый Государь ***

Обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку, съ чувствомъ уваженія и доброжелательства, съ которыми прошу и Васъ отнестись къ моему письму. Только при искренности этихъ чувствъ возможно пониманіе и соглашеніе.

Дѣло касается тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются со стороны чиновъ Вашего министерства лица, имѣющія мои запрещенныя въ Россіи сочиненія и дающія ихъ читать тѣмъ, которыя ихъ объ этомъ просятъ. Такимъ преслѣдованіямъ, сколько мнѣ извѣстно, подвергалось много различныхъ лицъ. Одинъ же изъ послѣднихъ случаевъ былъ съ женщиной-врачемъ N въ Тулѣ обысканной, посаженной въ острогъ и теперь допрашиваемой слѣдователемъ по обвиненію въ распространеніи моихъ сочиненій.

Этотъ случай съ г жей N, женщиной уже не молодой, слабой здоровіемъ, чрезвычайно нервной и въ высшей степени почтенной по своимъ душевнымъ качествамъ, заслужившимъ ей всеобщую любовь всѣхъ, знающихъ ее, особенно поразителенъ.

Поводомъ къ этому, сколькс мнѣ извѣстно, послужило слѣдующее: г-жа N близко знакома мнѣ и дружна съ моими дочерьми. Одинъ тульскій рабочій нѣсколько разъ писалъ мнѣ, прося дать ему для прочтенія мое сочиненіе «*Въ чемъ моя вѣра?*». Не имѣя подъ рукой свободнаго экземпляра и не зная этого человѣка, я нѣсколько писемъ его оставилъ безъ отвѣта. Нынѣшней же зимой, получивъ вновь письмо съ тою же просьбой, я передалъ его дочери моей прося ее, если у насъ есть та книга, о которой онъ просилъ, послать ее ему. Дочь моя, не имѣя свободнаго экземпляра, но помня, что въ томъ же городѣ Тулѣ, откуда писалъ проситель, живетъ г-жа N, имѣющая нѣкоторыя изъ моихъ запрещенныхъ сочиненій, послала просителю свою карточку съ просьбой дать подателю ея то, что у нея найдется. Это обращеніе моей дочери къ г-жѣ N и послужило поводомъ къ ея

аресту и всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, которымъ ее подвергали.

Я думаю, что такого рода мѣры неразумны, безполезны, жестоки и, главнымъ образомъ, несправедливы. Неразумны онѣ потому, что нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, почему изъ тѣхъ тысячъ людей, которые имѣютъ мои сочиненія и даютъ ихъ читать своимъ знакомымъ, выбрана для преслѣдованія одна г-жа N. Безполезны эти мѣры потому, что онѣ не достигаютъ никакой цѣли: пресѣченія эти мѣры не достигаютъ потому, что то зло, которое предполагается прекратить, продолжаетъ существовать среди тысячъ людей, которыхъ нѣтъ возможности всѣхъ арестовать и держать въ тюрьмахъ. Жестоки же эти мѣры потому, что для многихъ людей слабыхъ и нервныхъ, какова г-жа N, обыски, допросы и въ особенности заключеніе въ тюрьму могутъ быть причинами тяжелыхъ нервныхъ болѣзней, какъ это и было съ г-жей N, и даже смерти. Главное же—мѣры эти въ высшей степени несправедливы потому, что онѣ не направляются на то лицо, отъ котораго исходитъ то, что считается правительствомъ зломъ.

Такое лицо въ данномъ случаѣ я: я пишу тѣ книги и письменно и словеснымъ общеніемъ распространяю тѣ мысли, которыя правительство считаетъ зломъ, и потому, если правительство хочетъ противодѣйствовать распространенію этого зла, то оно должно обратить на меня всѣ употребляемыя имъ теперь мѣры противъ случайно попадающихся подъ его дѣйствіе лицъ, виновныхъ только въ томъ, что они имѣютъ интересующія ихъ запрещенныя книги и даютъ ихъ для прочтенія своимъ знакомымъ. Правительство должно поступить такъ еще и потому, что я не только не скрываю этой своей дѣятельности, но, напротивъ, прямо этимъ самымъ письмомъ заявляю, что я писалъ и распространялъ тѣ книги, которыя считаются правительствомъ вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и въ книгахъ и въ письмахъ, и въ бесѣдахъ такія же мысли, какъ и тѣ, которыя выражены въ книгахъ.

Сущность этихъ мыслей та, что людямъ открытъ несомнѣнный законъ Бога, стоящій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, по которому мы всѣ должны не враждовать, не насиловать другъ друга, а напротивъ, помогать,—должны посту-

пать съ другими такъ же, какъ бы хотѣли, чтобы другіе поступали съ нами.

Эти то мысли, съ вытекающими изъ нихъ практическими выводами, я и выражалъ, какъ умѣлъ, въ своихъ книгахъ и стараюсь еще яснѣе и доступнѣе выразить въ книгѣ, которую пишу теперь. Эти же мысли я выказываю въ бесѣдахъ и въ письмахъ, которыя я пишу знакомымъ и незнакомымъ людямъ. Эти самыя мысли я выражаю теперь и Вамъ, указывая на тѣ, противныя закону Бога, жестокости и насилія, которыя совершаются чинами Вашего министерства.

Сказанныя Гамаліиломъ слова о распространеніи христіанскаго ученія, что «если дѣло это отъ человѣковъ, то оно разрушиться, а если оно отъ Бога, то не можете разрушить его; берегитесь поэтому, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками»,—остаются всегда урокомъ истинной правительственной мудрости въ ея отношеніяхъ къ проявленію духовной дѣятельности людей. Если дѣятельность эта ложная, она падетъ сама собою, если же дѣятельность эта имѣетъ своимъ содержаніемъ дѣло Божіе, каково то

дѣло Божіе нашего времени—замѣны принципа насилія принципомъ разумной любви,—то никакія внѣшнія усилія не могутъ ни ускорить, ни задержать совершенія его. Если правительство допуститъ безпрепятственное распространеніе этихъ мыслей, онѣ будутъ распространяться медленно и равномѣрно; если правительство будетъ подвергать, какъ оно дѣлаетъ теперь, преслѣдованіямъ людей, усвоившихъ эти мысли и передающихъ ихъ другимъ, распространеніе этихъ мыслей ровно настолько уменьшится въ средѣ людей робкихъ, слабыхъ и неопредѣлившихся, насколько оно усилится въ средѣ людей сильныхъ, энергичныхъ и убѣжденныхъ. И потому процессъ распространенія истины не остановится, и не задержится, и не ускорится, какъ бы ни поступало правительство.

Таковъ по моему мнѣнію общій и неизмѣнный законъ распространенія истины, и потому самое мудрое, что можетъ дѣлать правительство по отношенію проявленія нежелательныхъ для него идей, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а тѣмъ болѣе не употреблять такихъ недостойныхъ, жестокихъ и явно несправедливыхъ мѣръ, какъ истязаніе невинныхъ

людей только за то, что они дѣлаютъ то самое, что дѣлаютъ и дѣлали десятки тысячъ другихъ людей, никѣмъ за это не преслѣдуемыхъ.

Если же правительство хочетъ непремѣнно не бездѣйствовать, а наказывать, угрожать и пресѣкать то, что оно считаетъ зломъ, то наименѣе неразумное и наименѣе несправедливое, что оно можетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ мѣры наказанія, устрашенія или пресѣченія зла направить противъ того, что считается правительствомъ источникомъ его. т. е. противъ меня. тѣмъ болѣе, что я заявляю впередъ, что буду, не переставая, до своей смерти дѣлать то, что правительство считаетъ зломъ, а что я считаю своей священной передъ Богомъ обязанностью.

И не думайте; пожалуйста, чтобы я, прося обратить противъ себя мѣры насилія, употребляемыя противъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, предполагалъ, что употребленіе такихъ мѣръ противъ меня представляетъ какое-либо затрудненіе для правительства,—что моя популярность и мое общественное положеніе ограждаютъ меня отъ обысковъ, допросовъ, высылокъ заклю-

ченія и другихъ худшихъ насилій. Я не только не думаю этого. но убѣжденъ, что, если правительство поступитъ рѣшительно противъ меня, сошлетъ, посадитъ въ тюрьму или приложитъ еще болѣе сильныя мѣры, то это не представитъ никакихъ особенныхъ затрудненій, и общественное мнѣніе не только не возмутится этимъ, но большинство людей вполнѣ одобритъ такой образъ дѣйствія и скажетъ, что давно уже пора было это сдѣлать,

Богъ видитъ, что пиша это письмо, я не подчиняюсь желанію бравировать власть или какъ нибудь выказаться, а вызванъ къ этому нравственной потребностью, состоящею въ томъ, чтобы снять съ невинныхъ людей отвѣтственность за поступки, совершаемые мною, а, главное,—указать правительственнымъ лицамъ, и Вамъ въ томъ числѣ, на жестокость, неразумность и несправедливость употребляемыхъ мѣръ, и просить Васъ, по мѣрѣ возможности, прекратить ихъ и освободить себя отъ нравственной за нихъ отвѣтственности.

Очень буду благодаренъ, если Вы отвѣтите мнѣ простымъ неофиціальнымъ письмомъ о

томъ, что Вы думаете о высказанномъ мною, и о томъ, исполните ли мою просьбу перенести на будущее время всѣ преслѣдованія, если они уже считаются необходимыми, на меня—главное лицо, съ точки зрѣнія правительства—заслуживающаго ихъ.

Съ чувствомъ истиннаго доброжелательства остаюсь уважающимъ Васъ.

Левъ Толстой.

Стыдно!

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Въ 1820-хъ годахъ семеновскіе офицеры, цвѣтъ тогдашней молодежи, большей частью масоны и впослѣдствіи декабристы, рѣшили не употреблять въ своемъ полку тѣлеснаго наказанія, и несмотря на тогдашнія строгія требованія фронтовой службы, полкъ и безъ употребленія тѣлеснаго наказанія, продолжалъ быть образцовымъ.

Одинъ изъ ротныхъ командировъ семеновскаго-же полка, встрѣтясь разъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего, да и всякаго, времени, разсказалъ ему про одного изъ своихъ солдатъ, вора и пьяницу, говоря, что такого солдата ничѣмъ нельзя укротить, кромѣ розогъ. Сергѣй Муравьевъ не сошелся съ нимъ и предложилъ взять этого солдата въ свою роту.

Переводъ состоялся, и переведенный солдатъ

въ первые-же дни укралъ у товарища сапоги, пропилъ ихъ и набуянилъ. Сергѣй Ивановичъ собралъ роту и, вызвавъ передъ фронтъ солдата, сказалъ ему: «Ты знаешь, что у меня въ ротѣ не бьютъ и не сѣкутъ, и тебя я не буду наказывать. За сапоги, украденные тобой, я заплачу свои деньги, но прошу тебя, не для себя, а для тебя самого, подумать о своей жизни и измѣнить ее». И, сдѣлавъ дружеское наставленіе солдату, Сергѣй Ивановичъ отпустилъ его.

Солдатъ опять напился и подрался. И опять не наказали его, но только уговаривали: «Еще больше повредишь себѣ; если же ты исправишься, то тебѣ самому станетъ лучше. Поэтому прошу тебя больше не дѣлать такихъ вещей».

Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ для него обращеніемъ, что совершенно измѣнился и сталъ образцовымъ солдатомъ.

Разсказывавшій мнѣ это братъ Сергѣя Ивановича, Матвѣй Ивановичъ, считавшій такъ-же, какъ его братъ и всѣ лучшіе люди его-времени, тѣлесное наказаніе постыднымъ остаткомъ варварства, позорнымъ не столько д

наказываемыхъ, сколько для наказывающихъ, никогда не могъ удержаться отъ слезъ умиленія и восторга, когда говорилъ про это. И, слушая его, трудно было удержаться отъ того-же.

Такъ смотрѣли на тѣлесное наказаніе образованные русскіе люди 75 лѣтъ тому назадъ. И вотъ прошло 75 лѣтъ, и въ наше время внуки этихъ людей засѣдаютъ въ качествѣ земскихъ начальниковъ въ присутствіяхъ и спокойно обсуждаютъ вопросы о томъ, должно-ли или не должно, и сколько ударовъ розгами должно дать такому и такому-то взрослому человѣку, часто отцу семейства, иногда дѣду.

Самые-же передовые изъ этихъ внуковъ въ комитетахъ и земскихъ собраніяхъ составляютъ заявленія, адресы и прошенія о томъ, чтобы въ виду гигіеническихъ и педагогическихъ цѣлей, сѣчь не всѣхъ мужиковъ (людей крестьянскаго сословія), а только тѣхъ, которые не кончили курса въ народныхъ училищахъ.

Очевидно перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго образованнаго сословія произошла огромная. Люди 20-хъ годовъ, считая тѣлесное на-

казаніе позорнымъ дѣйствіемъ для себя, съумѣли уничтожить его въ военной службѣ, гдѣ оно считалось необходимымъ; люди нашего времени спокойно примѣняютъ его не надъ солдатами, а надъ всѣми людьми одного изъ сословій русскаго народа, и осторожно, политично, въ комитетахъ и собраніяхъ, со всякими оговорками и обходами, подаютъ правительству адресы и прошенія о томъ, что наказаніе розгами не соотвѣтствуетъ требованіямъ гигіены и потому должно-бы было быть ограничено, или что желательно-бы было, чтобы сѣкли только тѣхъ крестьянъ, которые не кончили курса грамоты, или что-бы были уволены отъ сѣченія тѣ крестьяне, которые подходятъ подъ манифестъ по случаю бракосочитанія императора.

Очевидно совершилась страшная перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго русскаго общества; и, что удивительнѣе всего,—что эта перемѣна совершилась именно тогда, когда въ томъ самомъ одномъ сословіи, которое считается необходимымъ подвергать отвратительному, грубому и глупому истязанію сѣченія, въ этомъ самомъ сословіи совершилась за эти 75 лѣтъ, а въ особенности за послѣдніе 35 лѣтъ со времени ос-

вобожденія, такая же огромная перемѣна, но только въ обратномъ направленіи.

Въ то время, какъ высшіе правящіе классы такъ огрубѣли и нравственно понизились, что ввели въ законъ сѣченіе и спокойно разсуждаютъ о немъ, въ крестьянскомъ сословіи произошло такое повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня, что употребленіе для этого сословія тѣлеснаго наказанія представляется людямъ изъ этого сословія не только физической, но и нравственной пыткой.

Я слышалъ и читалъ про случаи самоубійства крестьянъ, приговоренныхъ къ розгамъ. И не могу не вѣрить этому; потому что самъ видѣлъ, какъ самый обыкновенный молодой крестьянинъ при одномъ упоминаніи на волостномъ судѣ о возможности совершенія надъ нимъ тѣлеснаго наказанія поблѣднѣлъ какъ полотно и лишился голоса; видѣлъ также, какъ другой крестьянинъ, 40-ка лѣтъ, приговоренный къ тѣлесному наказанію, заплакалъ, когда на вопросъ мой о томъ, исполнено ли рѣшеніе суда, долженъ былъ отвѣтить, что оно уже исполнено.

Знаю я тожс, какъ знакомый мнѣ почтенный,

пожилой крестьянинъ, приговоренный къ розгамъ за то, что онъ, какъ обыкновенно, поругался съ старостой не обративъ вниманія на то, что староста былъ при знакѣ,—былъ приведенъ въ волостное правленіе и оттуда въ сарай, въ которомъ приводятся въ исполненіе наказанія. Пришелъ сторожъ съ розгами; крестьянину велѣно было раздѣться.

— Парменъ Ермилычъ, вѣдь у меня сынъ женатый,—дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ крестьянинъ, обращаясь къ старшинѣ.—Развѣ нельзя безъ этого? Вѣдь грѣхъ это.

— Начальство, Петровичъ, я-бы радъ, что дѣлать?—отвѣчалъ смущенный старшина.

Петровичъ раздѣлся и легъ.

— Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ,—сказалъ онъ.

Какъ разсказывалъ мнѣ присутствовавшій писарь, у всѣхъ тряслись руки, и всѣ не смѣли смотрѣть въ глаза другъ другу, чувствуя, что они дѣлаютъ что-то ужасное. И вотъ этихъ-то лю-

дей считаютъ необходимымъ и вѣроятно полезнымъ для кого-то, какъ животныхъ,—да и животныхъ запрещаютъ истязать,—сѣчь розгами.

Для блага нашего христіанскаго и просвѣщеннаго государства необходимо подвергать нелѣпѣйшему, неприличнѣйшему и оскорбительнѣйшему наказанію не всѣхъ членовъ этого христіанскаго просвѣщеннаго государства, а только одно изъ его сословій, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное.

Высшее правительство огромнаго христіанскаго государства, 19 вѣковъ послѣ Христа, ничего не могло придумать болѣе полезнаго, умнаго и нравственнаго для противодѣйствія нарушеніямъ законовъ, какъ то, чтобы людей, нарушившихъ законы, взрослыхъ и иногда старыхъ людей, оголять, валить на полъ и бить прутьями по задницѣ *).

*) И почему именно этотъ глупый, дикій пріемъ причиненія боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечи или другое какое-либо мѣсто тѣла, сжимать въ тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное?

Примѣчаніе автора.

И люди нашего времени, считающіе себя самыми передовыми, внуки тѣхъ людей, которые 75 лѣтъ тому назадъ уничтожили тѣлесное наказаніе, теперь почтительнѣйше и совершенно серьезно просятъ господина министра и еще кого-то о томъ, чтобы поменьше сѣчь взрослыхъ людей русскаго народа, потому что доктора находятъ, что это нездорово,—не сѣчь тѣхъ, которые кончили курсъ, и избавить отъ сѣченія тѣхъ, которыхъ должны сѣчь вскорѣ послѣ бракосочетанія императора. Мудрое-же правительство глубокомысленно молчитъ на такія легкомысленныя заявленія или даже воспрещаетъ ихъ.

Но развѣ можно объ этомъ просить? Развѣ можетъ быть объ этомъ вопросъ? Вѣдь есть поступки, совершаются ли они частными людьми или правительствами, про которые нельзя разсуждать хладнокровно, осуждая совершеніе этихъ поступковъ только при извѣстныхъ условіяхъ. И сѣченіе взрослыхъ людей одного изъ сословій русскаго народа въ наше время и среди нашего кроткаго и христіански просвѣщеннаго народа принадлежитъ къ такого рода поступкамъ. Нельзя для прекращенія такого преступленія всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ политично

подъѣзжать къ правительству со стороны гигіены, школьнаго образованія или манифеста. Про такія дѣла можно или совсѣмъ не говорить или говорить по существу дѣла и всегда съ отвращеніемъ и ужасомъ. Вѣдь просить о томъ, чтобы не стегать по оголеннымъ ягодицамъ только тѣхъ изъ людей крестьянскаго сословія, которые выучились грамотѣ, все равно, что если-бы,—гдѣ существовало наказаніе прелюбодѣйной женѣ, состоящее въ томъ, чтобы, оголивъ эту женщину, водить ее по улицамъ,—просить о томъ, чтобы наказаніе это примѣнять только къ тѣмъ женщинамъ, которые не умѣютъ вязать чулки или что нибудь подобное.

Про такія дѣла нельзя «почтительнѣйше просить» и «повергать къ стопамъ» и т. п., такія дѣла можно и должно только обличать. Обличать-же такія дѣла должно потому, что дѣла эти, когда имъ приданъ видъ законности, позорятъ всѣхъ насъ, живущихъ въ томъ государствѣ, въ которомъ дѣла эти совершаются. Вѣдь если сѣченіе крестьянъ законъ, то законъ этотъ сдѣланъ и для меня, для обезпеченія моего спокойствія и блага.

А это нельзя допустить.

Не хочу и не могу я признать того закона, который нарушаетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, и не могу себя представить солидарнымъ съ тѣми, которые пишутъ и утверждаютъ такія преступленія подъ видомъ закона.

Если уже говорить про это безобразіе, то можно говорить только одно: то, что закона такого не можетъ быть, что никакіе указы, зерцалы, печати и высшія повелѣнія не сдѣлаютъ закона изъ преступленія, а что, напротивъ, облеченіе въ законную форму такого преступленія (какъ то, что взрослые люди одного, только одного лучшаго сословія могутъ по волѣ другого, худшаго сословія—дворянскаго и чиновничьяго—подвергаться неприличному, дикому, отвратительному наказанію,) доказываетъ лучше всего, что тамъ, гдѣ такое мнимое узаконеніе преступленія возможно,—не существуетъ никакихъ законовъ, а только дикій произволъ грубой власти.

Если уже говорить про тѣлесное наказаніе, совершаемое только надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ, то надо не отстаивать правъ земскаго собранія или жаловаться на губернатора, опротестовавшаго ходатайства о несѣченіи гра-

мотныхъ, министру, а на министра сенату, а на сенатъ еще далѣе, какъ это предлагаетъ тамбовское земство, а надо, не переставая кричать, вопить о томъ, что такое примѣненіе дикаго, переставшаго уже употребляться для дѣтей наказанія къ одному лучшему сословію русскихъ людей, есть позоръ для всѣхъ тѣхъ, кто, прямо или косвенно, участвуютъ въ немъ.

Петровичъ, который легъ подъ розги, перекрестившись и сказавъ: «Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ», простилъ своихъ мучителей и послѣ розогъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Одно, что произвело въ немъ совершенное надъ нимъ истязаніе,—это презрѣніе къ той власти, которая можетъ предписывать такія наказанія. Но на многихъ молодыхъ людей не только самое наказаніе, но часто одно признаніе того, что оно возможно, дѣйствуетъ, понижая ихъ нравственное чувство и возбуждая иногда отчаянность, иногда звѣрство. Но не тутъ еще главный вредъ этого безобразія. Главный вредъ—въ душевномъ состояніи тѣхъ людей, которые устанавливаютъ, разрѣшаютъ, предписываютъ это беззаконіе,—тѣхъ, когорые пользуются имъ какъ угрозой, и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ убѣжденіи, что

такое нарушеніе всякой справедливости и человѣчности необходимо для хорошей, правильной жизни. Какое страшное нравственное искалѣченіе должно происходить въ умахъ и сердцахъ такихъ людей, часто молодыхъ, которые, я самъ слыхалъ, съ видомъ глубокомысленной мудрости говорятъ, что мужика нельзя не сѣчь, и что для мужика это лучше.

Вотъ этихъ-то людей больше всего жалко за такое озвѣреніе, въ которое они впали и въ которомъ коснѣютъ.

И потому освобожденіе русскаго народа отъ развращающаго вліянія узаконеннаго преступленія, со всѣхъ сторонъ,—дѣло огромной важности. И освобожденіе это произойдетъ не тогда, когда будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія кончившіе курсъ, или еще какіе-нибудь изъ крестьянъ, или даже всѣ крестьяне, за исключеніемъ хотя-бы одного, а только тогда, когда правящіе классы признаютъ свой грѣхъ и смиренно покаются въ немъ.

Изъ письма Л. Н. Толстого къ В. Г. Черткову о Герценѣ.

„ . . . Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболѣзную тому, что его сочиненія запрещены; во-первыхъ, это писатель,—какъ писатель художественный,—если не выше, то уже навѣрное равный нашимъ первымъ писателямъ; а во-вторыхъ, если бы онъ вошелъ въ духовную плоть и кровь молодыхъ поколѣній съ 50-хъ годовъ, то у насъ не было бы революціонныхъ нигилистовъ.

„Доказывать несостоятельность революціонныхъ теорій—нужно только читать Герцена,—какъ казнится всякое насиліе именно самимъ дѣломъ, для котораго оно дѣлается. Если бы не было запрещенія Герцена, не было бы динамита и убійства, и висѣлицъ, и всѣхъ расходовъ, усилій тайной полиціи, и всего того ужаса, и всего того зла правительствъ и консерваторовъ...

„Очень поучительно читать его теперь. И хорошій искренній ченовѣкъ.

„Человѣкъ,—выдающійся по силѣ, уму, искренности,—случайно могъ безъ помѣхи дойти по ложному пути до болота и увязнуть и закричать: не ходите! И что-же? Оттого что человѣкъ этотъ говоритъ о правительствѣ правду, говоритъ, что то, что̀ есть,—не есть то, что̀ должно быть,—опытъ и слова этого человѣка старательно скрываютъ отъ тѣхъ, которые идутъ за нимъ.

«Чудно̀ и жалко. А, должно быть, такъ должно быть, и это къ лучшему».

Мысли Герцена.

Знанія и пониманья не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de téte. Медленность сбивчивость историческаго хода пониманья насъ бѣситъ и душитъ, она намъ невыносима, и многіе изъ насъ, измѣняя собственному разуму, торопятся и торопятъ другихъ. Хорошо ли это или нѣтъ? — Въ этомъ весь вопросъ.

Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ; а ихъ трудно установить и страшно переступать.

Общее постановленіе задачи не даетъ ни пу-

тей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и разсчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями — *какой нибудь буржуазный* міръ. Потому что онъ внутри *не конченъ и потому еще, что ни миръ построяющій*, ни новая организація не настолько готовы, чтобъ пополниться, осуществляясь. Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, изъ тѣхъ — которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно былы вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно такъ же логически, какъ богословіе, метафизика и пр. Въ извѣстной научной сферѣ они осуждены, но внѣ ея академическихъ стѣнъ онѣ владѣютъ всѣми нравственными силами.

Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ, готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ дол-

жно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло?

Знаніе неотразимо, но оно не имѣетъ принудительныхъ средствъ. Излеченье отъ предразсудковъ медленно, имѣетъ свои фазы и кризисы.

Противъ ложныхъ догматовъ, противъ вѣрованій, какъ бы они ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать: «не вѣрь!» такъ же авторитетно и въ сущности нелѣпо, какъ сказать: «вѣрь». Старый порядокъ вещей крѣпче *признаніемъ его*, чѣмъ матеріальной силой, его поддерживающей. Это всего яснѣе тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни карательной, ни принудительной силы, гдѣ онъ твердо покоится на невольной совѣсти, на неразвитости ума и на незрѣлости новыхъ

возрѣній, какъ въ Швейцаріи и Англіи.

Вообще въ соціальныхъ нелѣпостяхъ современнаго быта никто не виноватъ и никто не можетъ быть казненъ съ большей справедливостью, чѣмъ море, которое сѣкъ персидскій царь, или вѣчевой колоколъ, наказанный Іоанномъ Грознымъ. Винить, наказывать, отдавать на копье — все это становится ниже нашего пониманья. Надобно проще смотрѣть, физіологичнѣе и окончательно пожертвовать уголовной точкой зрѣнія, а она, по несчастью, прерывается и мѣшаетъ понятія, вводя личныя страсти въ общее дѣло и превратную перестановку невольныхъ событій въ преднамѣренный заговоръ. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія, мы выходили изъ нихъ по миновеніи надобности.

Обрушивать отвѣтственность за былое и современное на послѣднихъ представителей «прежней правды», дѣлающейся «настоящей неправ-

дой», такъ же нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы.

Тотъ, кто не хочетъ ждать и работать, тотъ идетъ по старой колеѣ пророковъ и прорицателей, іересіарховъ, фанатиковъ и цеховыхъ революціонеровъ. А всякое дѣло, совершающееся при пособіи элементовъ безумныхъ, мистическихъ, фантастическихъ, въ послѣднихъ выводахъ своихъ непремѣнно будетъ имѣть и безумные результаты рядомъ съ дѣльными. Сверхъ того, пути эти все больше и больше зарастаютъ для насъ травою, пониманье и обсуживанье—наше единственное оружіе. Теократическіе и политическіе догматы не требуютъ пониманья; они даже тверже и крѣпче покоятся на вѣрѣ безъ духа критики и анализа. Папу надобно считать непогрѣшимымъ, царя слушаться, отечество защищать, писанія и предписанія исполнять...

Все прошлое, изъ котораго мы хотимъ выйти, такъ и шло. Мѣнялись формы, образы, обряды.

Сущность оставалась та же. Человѣкъ, склонявшій голову передъ капуциномъ, идущимъ съ крестомъ, дѣлалъ то же, что человѣкъ, склоняющій голову передъ рѣшеніемъ суда, какъ бы оно нелѣпо ни было.

Изъ этого-то міра нравственной неволи и подъавторитетности, повторяю, мы и бьемся выйти въ ширь пониманья, въ міръ *свободы въ разумѣ*. Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетерпѣнія, увлечь авторитетомъ или страстью, приведутъ къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ и, что хуже, къ почти неминуемымъ пораженіямъ. Обойти процессъ пониманья такъ же невозможно, какъ обойти вопросъ о силѣ. Навязываемое предрѣшеніе всего, что *составляетъ вопросъ*, поступаетъ очень безцеремонно *съ освобожденнымъ веществомъ*. Взять вдругъ человѣка, умственно дремавшаго, и огорошить его въ первую минуту, съ просонья, рядомъ мыслей, сбивающихъ всѣ его нравственныя понятія и къ которымъ ему не поставлено лѣстницы, врядъ ли много послужитъ развитію; а скорѣе смутитъ, собьетъ съ толку оглушеннаго или, обратнымъ дѣйствіемъ, оттолкнетъ его въ свирѣпый консерватизмъ.

Я нисколько не боюсь слова «постепенность»,

опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность, такъ какъ непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумѣнья. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы, мысли о соціологіи могутъ прививаться какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лекарство въ ротъ. Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практическія облегченія, пути, компромиссы, діагонали. Понять, которыя изъ нихъ короче, удобнѣе и возможнѣе,—дѣло практическаго такта, дѣло революціонной стратегіи. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться, какъ Наполеонъ въ Москву, и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже Березины.

Формы, сдерживающія людей въ полунасильственныхъ ковахъ, à la longue не вынесутъ напора логики и развитія общественнаго пониманья. Однѣ изъ нихъ до того внутри сгнили, что имъ дать толчекъ ногой; другія, какъ ракъ, держаться корнями въ дурной крови. Ломая оди-

накимъ образомъ тѣ и другія, можно убить организмъ и, навѣрное, заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнѣе возстанутъ за «ракъ» наиболѣе страдающіе отъ него.

На неразумѣи и невѣжествѣ зиждется вся прочность существующаго порядка; на нихъ покоятся устарѣлыя воспитательныя формы, въ которыхъ люди выростали изъ несовершеннолѣтія и которыя жмутъ теперь меньшинство, но которыхъ вредной ненужности не понимаетъ большинство

Высказать это въ томъ кругу, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать во всѣхъ вопросахъ самую крайнюю крайность.

То, что мыслящіе люди прощали Атиллѣ, Комитету Общественнаго Спасенія и даже Петру, не простятъ намъ. Мы не слыхали голоса, призывавшаго насъ свыше къ исполненію судебъ, и не слышали подземнаго голоса снизу, который указалъ бы путь. Для насъ существуютъ одинъ голосъ и одна власть—*власть разума и пониманья*. Отвергая ихъ, мы становимся растригами науки и ренегатами цивилизаціи. Самыя массы, на которыхъ лежитъ вся тяжесть быта, съ своей македонской фалангой работниковъ, ищутъ слова и пониманья и съ недовѣріемъ смотрятъ на людей, проповѣдующихъ аристократію науки и призывающихъ къ оружію. И замѣтьте, проповѣдники не изъ народа, а изъ школы, изъ книгъ, изъ литературы, жившіе въ отвлеченностяхъ, старые студенты—они ушли отъ народа дальше, чѣмъ его заклятые враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяинъ и солдатъ имѣютъ больше прямыхъ связей съ массами, чѣмъ они. Отъ того-то они и полагаютъ возможнымъ начать экономическій переворотъ съ tabula rasa, съ выжиганья до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле, это съ своими полосами и плевелами, составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его

нравственную жизнь, всю его привычку и все его утѣшеніе. Съ консерватизмомъ народа труднѣе бороться, чѣмъ съ консерватизмомъ трона и амвона. Правительство и церковь сами початы духомъ отрицанія, борьба мысли не даромъ шла подъ ихъ ударами: она заразила разящую руку; самозащищеніе правительства корыстно, и гоненія церкви лицемѣрны.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни больше, чѣмъ они освобождены *внутри*. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы.

Изъ того, что государство форма *проходящая*, не слѣдуетъ, что эта форма уже *прошедшая*.

Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственнаго устройства, когда уничтоженіе постоянныхъ войскъ и обезоруженіе составляютъ дальніе идеалы? И что значитъ *отрицать* государство, когда главное условіе выхода изъ него — *совершеннолѣтіе* большинства.

Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей. Христіанство проповѣдывалось чистыми и строгими въ жизни апостолами и ихъ послѣдователями, аскетами и постниками, людьми, замаривавшими всѣ страсти, кромѣ одной. Таковы были Гугеноты и реформаторы. Таковы были Якобинцы 93 года. Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятіяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля, и оттого сильны.

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь равно обра-

щенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину.

Проповѣдь къ врагу—великое дѣло любви: они не виновaты, что живутъ внѣ современнаго потока какими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я ихъ жалѣю какъ больныхъ, какъ поврежденныхъ, стоящихъ на краю пропасти съ грузомъ богатствъ, который ихъ стянетъ въ нее. Имъ надобно раскрыть глаза, а не вырвать ихъ, чтобъ и они спаслись, если хотятъ.

Греки радикальнѣе насъ говорили: «Мудрому законъ не нуженъ, его разумъ законъ». Ну, такъ и начнемъ съ того, что «сдѣлаемъ» сами себя и другъ друга мудрыми.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Къ вопросу о несопротивленіи злу насиліемъ 5

Письмо Л. Н. Толстого къ министрамъ Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи. . 17

Стыдно 32

Изъ письма Л. Н. Толстого къ В. Г. Черткову о Герценѣ 44

Мысли Герцена 48

Изданія А. М. ДУБРОВСКАГО

А. Пушкинъ и М. Лермонтовъ. Неизданныя стихотворенія. (*Свободныя стихотворенія*) цѣна 35 к.

Ф. Зигель проф. Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта съ книг. цѣна 20 к.

Н. Андрушкевичъ. Сонъ царя Давдона (сказка) цѣна 15 к.

В Чертковъ. Русскіе студенты въ освободительномъ движеніи цѣна 25 к.

Въ скоромъ времени выйдетъ изъ печати необходимая книга для родителей, врачей и преподавателей

НАШИ ДѢТИ ВЪ ГИМНАЗІИ.

Тѣло и душа ребенка.

D-r Maurice de Fleury пер. съ франц. **В. Н. Шрейдеръ**

СОДЕРЖАНІЕ.

I часть
Жизнь физическая.

1. Выборъ школы
2 Въ столовой
3 Дортуары. Чистота
4 Рекреаціонные часы и гимнастика
5 Лазаретъ и врачъ лицея

II часть
Жизнь умственная.

6 Вопросъ о переутомленіи
7-8 Передѣлка программъ
9 Упраздненіе латыни
10 Научный цикъ
11 Необходимость преподаванія гигіены
12 Психологія школьника
13 Желаніе и нежеланіе ученика
14 О невниманіи и его лѣченіи
15-16 Методъ работы
17 Свойства соревнованія

III часть
Жизнь моральная.

18 Преподаваніе морали
19 Нынѣшнія попытки
20 Страхъ и смѣлость
21 Образованіе характера
22 Великодушіе
23 Любовь къ истинѣ
24 Наказанія
25 26 Заключеніе

Цѣна по подпискѣ 1 р. 75 к., по выходѣ въ свѣтъ будетъ значительно повышена. Подписка принимается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ а также на складѣ изданія: *Москва 3 Мѣщанская, д. Персицъ кв. 9.*

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, 3 Мѣщан. д. Персицъ кв. 9.

ЦѢНА 20 КОП.